

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К48

Разработка серийного оформления
Анастасии Ивановой

Иллюстрация на переплете *Юлии Ждановой*

Внутренние иллюстрации *Валерия Спицина*

Клеванский, Кирилл Сергеевич.
К48 Сердце дракона. Воля камня / Кирилл Клеванский. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-108534-6

Он родился заново в мире, где боевые искусства неотличимы от магии. От прошлой жизни ему остались лишь нейросеть и пустые желания.

Что ждет его впереди? Он мечтал о приключениях и свободе, но у него отняли эти мечты. Как отняли мать, отца и сестру. Отняли королевство и собственную судьбу.

Но чтобы вернуть все обратно, он начнет войну хоть против целого мира.

Даже если против него выступит армия — его меч не дрогнет.

Даже если император отправит легионы — его шаг не замедлится.

Даже если демоны и боги, герои и враги объединятся против него, то не согнут его железной воли.

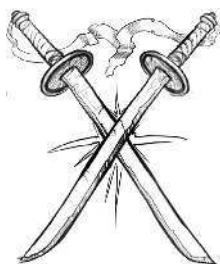
Его зовут Хаджар, и он идет следом за зовом своего драконьего сердца.

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108534-6

© Клеванский К., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ



Голубые глаза с круглыми зрачками вглядывались в две желтые звезды. Вместо зрачков — острые веретена. Человек и дракон смотрели друг на друга.

Существо, прожившее многие миллионы лет, последние из них томилось в своей вечной гробнице. Не в силах пошевелить ни хвостом, ни единым когтем, оно вглядывалось в вечную пустоту своей души.

Человек, проживший в темнице собственного тела одну жизнь и продолжающий существовать в такой же и вторую.

Прекрасный дракон, чью красоту воспели в тысяче и одной песне. Легендарный покоритель небес и хозяин звездного света был низвержен, словно простой смертный.

Омерзительной внешности юноша. Неестественно вывернутые руки. Покрытая струпьями кожа, изуродованное шрамами лицо, почти белый, лысый череп и гноящиеся волдыри. Вместо ног — безобразные культы.

Один из гениальнейших мастеров своего времени, достигший вершин в боевых искусствах.

Некогда талантливый юноша, чье тело лишили способности даже к бегу, не то что к занятию боевыми искусствами.

В темной пещере среди древних цепей, запечатанных энергией столь плотной, что ее можно было даже пощупать, человек и дракон лежали друг перед другом.

Букашка и монстр размером с небольшую гору.

Свела ли их судьба, случай или нелепое совпадение — никто не знал.

Дракон от скуки собирался сожрать омерзительного смертного, но его остановил взгляд. Взгляд небесно-лазурных глаз. Несмотря ни на что, в них не было ни отчаяния, ни сожаления, ни страха, ни единой червоточкины.

Гнилым было лишь тело, взгляд же оставался ясным и свирепым. Свирепым настолько, что, будь он материальным, смог бы расколоть небеса и обрушить их на землю.

— Как тебя зовут, букашка?

— Хаджар Дюран... А тебя, морда чешуйчатая?

Дракон собирался было растворить наглеца в своей мощи, но вдруг засмеялся, и от смеха его задрожали тысячелетние цепи и трещинами покрылся камень темницы.

— Травес мое имя.

Они смотрели друг на друга. Узник неприступной темницы и пленник собственного тела и судьбы.

Травес знал, что, даже не будучи скованным цепями, ни один смертный не сможет выбраться отсюда. Оставалось загадкой, как этот муравей сумел забраться сюда?

Никакой Хаджар не смог бы привести к нему помощь, не смог бы доставить весть во внешний мир о том, что великий Травес еще жив. Теперь они были заперты здесь вдвоем. Навечно, ну или до тех пор, пока смертный не помрет от голода.

Значит, месть Травеса никогда не свершится.

Хаджар не понимал, благодаря какому везению, он не только не утонул в подводном течении, не разбил голову на бесконечных порогах, не расшибся насмерть в водопаде и не попал под стрелы лучников. Как он вообще сбежал из города на своих самодельных протезах?

Достаточно было лишь взглянуть на водоворот, который выплюнул его в этот подводный грот, как становилось понятно — он умрет здесь от голода.

Значит, месть Хаджара Дюрана никогда не свершится.

Дракон видел все столь же свирепый взгляд букашки. Тот не дрогнул, не растратил ярости, даже осознав полную безысходность своего положения.

— Я прожил длинную жизнь, Хаджар Дюран. Я видел, как строились империи. Видел, как рушились вечные города. Я сражался с гениями и повергал бессмертных. Я создал техники столь сложные, что многие адепты до сих пор ломают над ними головы. И все же, Хаджар Дюран, я остался лишь небольшим пятном в мире боевых искусств.

«Небольшим пятном?» — мысленно хмыкнул Хаджар и вызвал одну из немногих функций, на которую осталась способна его нейросеть.

Имя:	Травес
Уровень развития:	????????????????
Сила:	????????????????
Ловкость:	????????????????
Телосложение:	????????????????
Очки энергии:	????????????????

Если так выглядело «небольшое пятно», то кем были тогда все предыдущие встреченные им адепты? Кем тогда был он сам? Микробом? Пылью? Воспоминанием?

— Я прожил две жизни, — проговорил он. Если бы у него были силы, он бы самодовольно ухмыльнулся. — Так что считай, что я круче...

Все, что ему осталось — такие вот глупые шутки и пустая бравада. Да чего уж там — это все, что у него вообще когда-либо было. Шутки, бравада и нестибаемая воля.

— Хаджар Дюран, заключишь ли ты со мной сделку, в результате которой, скорее всего, умрешь смертью столь страшной, что дети, слушая рассказы о тебе, будут от страха терять сознание?

— А ты доверишь свою «сделку» мне? Потому что в итоге над тобой, скорее всего, станут смеяться даже идиоты.

Дракон захохотал. Сегодня был хороший день для смерти и для начала отмщения. Наконец-то...

— Подползи под мой коготь, букашка.

Хаджар не стал спорить. Захоти эта тварь, она бы его уже расщепила на атомы одним своим желанием. Так что Дюран, сцепив зубы, пополз. Растреволженные волдыри лопнули и причиняли невыносимые страдания.

Но он полз.

Стальной коготь размером с ветряную мельницу напоминал собой гильотину.

Но он все равно полз. К своей смерти. К своей мести.

Десять метров стали для него личной «зеленой милей».

Травес с видимым усилием приподнял коготь. Немного, лишь на самую (для дракона) малость, но достаточно, чтобы букашка смогла под него заползти.

— Ты готов, Хаджар Дюран?

— Давай, морда. Приступай, к чему бы ты там ни приступ...



И пещеру затопили крик человека и рев дракона.

[Сообщение пользователю! Несанкционированные изменения физической структуры носителя! Замена одного из центральных органов!]

Кирилл Клеванский

Старое сердце Хаджара, пережившее так много боли и отчаяния, утонуло в водовороте. В его груди теперь билось сердце дракона, созданное Траверсом из капли собственной крови и всей воли, что он смог найти в себе.

Умирал дракон и перерождался человек.

Рушились вековые цепи, пала древняя темница, и потоки воды, обволакивая извивающееся в агонии тело, понесли его к мерцающему наверху солнцу.

Но как же так случилось, что человек, обладающий нейросетью, предстал перед глазами дракона и получил его сердце?

ГЛАВА 1



Он никогда не был удачливым человеком. Так начинаются многие истории, так же начинается и эта. Он родился в пятницу тринадцатого, в день, когда шел ливень и град. Уже один лишь этот факт намекал на то, что судьба новорожденного будет непростой.

Видимо, так же думала и его мать.

Обычная уличная дурочка, залетевшая от такого же не облагороженного интеллектом «правильного пацана». Они бросили его на пороге местной больницы. Не положили, а именно выбросили из проезжающей мимо машины. Боялись, что их увидят или еще чего-нибудь в этом роде. Так что не стоит удивляться, что буквально с рождения он оказался прикован к постели, будучи способным пошевелить лишь правой рукой.

Наверное, с переломанным позвоночником, черепно-мозговой травмой он не должен был долго прожить. Но вот только он решил иначе. Решил, что будет жить.

Его определили в специальный детский дом. Там он существовал до двенадцати лет. Вечно один, в маленькой каморке. Иногда к нему заглядывали другие обитатели детдома.

Они считали, что умеют отлично шутить над ним. Над тем, как он не мог говорить и только забавно

дергал рукой, когда они играли с ним в свои игры. Надо ли уточнять, что он никогда не выигрывал.

Кроме них пару раз в день заходила работница. Она мыла его, чистила и меняла белье. Часто ругалась. Сетовала на жизнь и на то, что ей выпало ухаживать за овощем. Порой, когда у нее было совсем плохое настроение, она его била.

Но он все равно собирался выжить.

Назло всем.

В двенадцать ему впервые ненадолго улыбнулась удача. В детдом приехала делегация, в составе которой был и известный магнат. Он тут же решил использовать «овоща» в своих целях. Определил в отличную клинику, в палату размером большую, нежели иные квартиры. Примерно раз в месяц приносил прессу, дарил подарки и, вероятно, очень успешно уходил от налогов.

Так изменилась жизнь мальчика.

Его вкусно кормили, с ним общались улыбчивые психологи, частенько заходили другие пациенты. Смертельно больные или недавно кого-то потерявшие. Он, не будучи способным говорить, хорошо умел слушать.

Но тем не менее единственным его другом оставалась музыка. Он слушал ее все время. Когда ел, когда читал, даже когда кто-нибудь в очередной раз перед ним выговаривался.

В шестнадцать ему поставили отличный ноутбук со специальным софтом. Теперь он мог общаться. Он печатал, ноутбук говорил. Посетителей сразу убавилось. Остались лишь усталые, но улыбчивые санитары.

Тогда он начал писать. Нет, не книги или картины, а музыку. Надо ли говорить, что магнат приложил все усилия, чтобы парализованный музыкант под его опекой стал медиазвездой?

К восемнадцати его музыку ежедневно скачивали сотни тысяч людей. Деньги ему были не нужны, и ими с радостью распоряжался магнат. Говорил, что тратил на благотворительность. Но вряд ли.

Все изменилось в тот день. Он лежал в постели, впрочем — не чувствовал этого. Правой рукой он повернул собственную голову к окну. Там, у подножия холма, вдалеке сверкали огни города.

— Не спишь? — прозвучало совсем рядом.

Он повернул голову обратно. От этого новых посетителей всегда передергивало, впрочем, не этого мужчину. Лет сорока, может, больше, с волевым подбородком и ясным, светлым взглядом.

— Вы кто? — спросил механический голос. — Кто вас сюда впустил?

Он терпеть не мог, когда к нему заходили без стука. Так он чувствовал себя еще более беспомощным.

— О, не переживай, я здесь работаю. — Мужчина сел на край огромной кровати. Это раздражало еще больше. — Мы раньше не виделись... Я с седьмого этажа.

— Отдел нейрохирургии?

— И биоинженерии.

Таких санитары называли «Франкенштейнами». Интересно, что потребовалось ученому от простого калеки? Ну, разве что — немного известного.

— Я также здешний главный врач. — Ослепительная улыбка «Франкенштейна» пациента не радовала. — Доктор Павел Коваль.

Павел протянул руку. Лежащий ее пожал.

— Сильное рукопожатие, — пробурчал врач, слегка разминая ладонь.

Калека мысленно улыбнулся. Когда ты все, абсолютно все делаешь только лишь одной конечностью, она развивается намного сильнее, нежели у других. Что-то вроде особо чуткого слуха у слепых.

— Пожалуйста, к делу, — произнес механический голос. — Я не очень большой фанат... светских бесед.

Надо было сказать, что и особым фанатом людей он тоже не был. Тяжелое детство и все такое.

— Совсем как мне и говорили. — Сияние его белозубой улыбки могло поспорить с белизной стен. — У меня к тебе есть предложение.

— Простите, я пока не думал о женитьбе. Тем более вы не в моем вкусе.

Дурацкие шутки всегда были его защитным механизмом. Они отталкивали людей лучше, чем все остальное. Никто не любит, когда кто-то глупо и неумело шутит. Впрочем, врач рассмеялся.

Он хотел, чтобы Павел поскорее ушел. Ему еще нужно было дописывать сет для нового релиза.

— Что ты знаешь о нейросетях? — спросил Коваль.

— Только то, что пишут в фантастике. — Специальный смайлик на экране пожал плечами. — Что-то вроде нейроинтерфейса...

— Примерно так, — кивнул врач. — Это что-то вроде дополнительной нервной системы.

Смайлик приподнял брови.

— Вы считаете...

— Что если операция пройдет успешно, то, возможно, вы сможете ходить и говорить. Не сразу, придется пройти длительную и болезненную реабилитацию. Возможно, это займет несколько лет, но...

— Я согласен.

— Но...

— Я согласен! — грохнул металлический голос.

Коваль посмотрел в бездонные, решительные глаза человека, не способного даже повернуть голову. И, несмотря ни на что, в этих глазах не было ни капли сомнения.

— Тогда, как только мы уладим все бюрократические проблемы, то можем приступить.

С этого момента потянулись длительные и весьма людные дни ожидания. К нему приходили различные специалисты. Они облепляли его голову всякими датчиками, делали тесты, проверяли какие-то там заумные параметры.

У него взяли столько анализов, что, наверное, посочувствовали бы и космонавты. Доходило до абсурда — брали срез ногтя. Причем прислали для этого специального человека с лазерными ножницами. Это, наверное, было единственным занимательным событием.

Приходили и различные психологи. Даже чаще, чем обычно. Они, как всегда, задавали абсолютно дурацкие вопросы, и каждый раз он удостаивал их одним и тем же улыбающимся смайликом. Когда совсем доставали — начинал неуместно шутить.

Кажется, он даже умудрился обидеть одну из аспиранток. Та спросила, чего он хочет в ближайшем будущем получить от нейросети. Он ответил почти честно — чтобы у него появилась возможность пригласить ее на ужин и затащить в постель.

Та, наверное, хотела ответить ему что-нибудь неприятное, но сдержалась. Просто молча ушла.

Он еще долго про себя смеялся. А еще психолог... Будучи не способным чувствовать ничего, кроме руки, он никогда не испытывал полового влечения. Даже психического — ему это было банально неизвестно.

Потом приходили журналисты. Они долго его мурыжили под жадным взглядом магната. Тот, наверняка проспонсировав операцию, уже подсчитывал будущие барыши. Наверное, мысленно благословлял